

СЕРГЕЙ ПОЛОВИНКИН

Крестник

Познакомились мы с Володей в бане где-то в начале 1980-х годов. Есть такая философская компания, которая ходит в баню. В то время такой баней для нас были Кадаши. Привел Володю в баню Валерий Лебедев, мой сослуживец по Физтеху. Володя состоял тогда мужем его сестры Люды. Они вскоре развелись, и Володя женился снова на Люде. Я говорил ему: «Пиши воспоминания под заглавием „В Людах“». По своим философским взглядам он был западником, то есть интересовался лишь западной философией, и здесь мы с ним общего языка не нашли.

Однако связан он был с городом Вяткой и был заправским охотником. В Вятской губернии охотоведом работал его сын. Я недоумевал: «В тебе нет ни тени агрессии, кровожадности, и как ты можешь убить тетерева, когда он, полный сил, ухаживает за тетеркой?» Лицо Володи становилось каким-то охотничьим, и он жестко отвечал: «На охоте есть только охотник и дичь, все остальное отпадает». Любил Володя котов. Даже в общежитии к нему приходил тощий и ободранный кот, которого он называл красавцем и нежно гладил. Отношения с животными были у него весьма запутанные.

Поступил Володя на кафедру философии Историко-архивного института, где работал и я после изгнания из Физтеха. Это было самое начало перестройки. Стычки на кафедре возникали по разным поводам. Мы вдвоем противодействовали остальным членам кафедры. Их противодействие нам было даже не противодействие идейных марксистов отступникам, а инстинктивное недоверие, переходящее во враждебность, людей абсолютно невежественных к людям каким-то иным, непонятым. После того как ректором стал Ю. Н. Афанасьев, а заведующим кафедрой – Валерий Дмитриевич Губин, эти люди ушли из института. На лекции Володя иногда ходил с Библией, читал из нее студентам. Что именно? Не знаю, а жаль, что вовремя не поинтересовался.

Володя женился и поселился в крохотной однокомнатной квартирке в общежитии на Кировоградской улице. На мой взгляд, в браке он был счастлив. Родилось у них двое детей – Юра и Саша. Я традиционно

преподаю на Факультете информатики и Факультете защиты информации РГГУ, которые находятся рядом с общежитием. И после занятий частенько заглядывал к Володе. Они с Людой приспособили для жилья и кухню, но все равно теснота была ужасающая. Вдобавок, как и у всех нас, все завалено книгами. Атмосфера семьи прекрасная. Они жили надеждами на получение квартиры, обещанной Афанасьевым.

Когда началась перестройка, Володя был привлечен в команду поддержки Афанасьева на выборах в Верховный Совет. Ездил по митингам, которые проходили тогда весьма бурно. Горланил так, что сорвал голос, хрипел. Поначалу восхищался молодостью и энергией новых правителей России. Особенно ему нравился Чубайс, на которого Володя был несколько похож. В философе проснулась жажда деятельности. Володя тоже хотел принимать участие в построении новой России. Но вскоре все иллюзии рассеялись. Как-то ехали мы вместе с какого-то выпивона под хмельком, и он мне выложил весьма энергично о тех же правителях: «Ты знаешь, ведь это воры и бандиты, они грабят и продают Россию!» И далее в том же духе.

Однажды Володя говорит мне: «Сережа, я хочу креститься вместе с Юрой». И он был крещен в храме Рождества Богородицы, что в Старом Симонове, вместе с сыном. А я стал их крестным отцом (очень плохим).

Квартиру Володе так и не дали, и он отправился с семьей на жительство в Вятку. Назначили его там директором филиала РГГУ. По делам службы он довольно часто бывал в Москве, и мы с ним виделись. Поначалу ему в Вятке нравилось. По его словам, он хорошо устроился с жильем. Но очень скоро начались жалобы. Сначала Володя жаловался на одиночество — нет друзей, не с кем поговорить о любимой философии. Но вскоре пошли жалобы и на филиал. Я не был в Вятке и сам не наблюдал ситуации, но Володя твердил одно и то же всякий раз, когда я его встречал: «Это мерзавцы и воры, сами грабят, а на меня пытаются свалить». Слышал о больших у него неприятностях. Его рассказы являли человека затравленного. Уверен, что его затравили. Упокой, Господи, раба Божия Владимира.